

Аркадий Макаров

*Игры во
времени...*

Сборник рассказов

Аркадий Макаров

Игры во времени...
Сборник рассказов

«Издательские решения»

Макаров А.

Игры во времени... Сборник рассказов / А. Макаров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830621-1

Вся наша жизнь, как говорят в народе, — игры во времени. Каждому времени своя игра. Буду счастлив, если читатель перевернёт, вздыхая, последнюю страницу.

ISBN 978-5-44-830621-1

© Макаров А.
© Издательские решения

Содержание

Давно, давно это было...	6
Задонское повечерье	11
Погост	16
Шибряй	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Игры во времени...
Сборник рассказов
Аркадий Макаров

© Аркадий Макаров, 2016

ISBN 978-5-4483-0621-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Давно, давно это было...

Освободилась в раю, значит, должность – одно кресло свободным стало. Ну сместили кого там, или в звании понизили за использование служебного положения в корыстных целях, не знаю, врать не стану. Только спустился Михаил Архангел, святой такой есть – наместник Бога в раю, на грешную землю, ну и пошёл подходящую кандидатуру искать.

Ходил, ходил, нет, не попадаются праведники. Один работает спустя рукава, другой со службы гвозди тащит, третий – винцом балуется. Опечалился Михаил Архангел, думает про себя: «Напишу-ка я Богу докладную записку, мол, так и так, нет на земле достойных для замещения вакантной должности, испаскудились люди, пора их томным пламенем спалить и новые семена посеять».

Подумал он только так, смотрит – на взгорье мужик с сохой ходит. Удивился райский служитель – что такое? Вокруг техническая революция, трактора-компьютеры, а тут мужик с сохой допотопной мается. Ну и спрашивает мужика того: «Чегой-то ты тут на пашне топчешься, от дела что ль лыгаешь?» – и смотрит так подозрительно из-под руки.

Мужик поднял голову, глядит – начальство вроде, – голос строгий, да и на лицо белый, ну и пошёл правду чесать. До каких, мол, пор я здесь буду дело пытаться – огрехи за трактором исправлять. И показывает рукой на пашню. Смотрит Архангел – да, действительно, борозды какие-то кривые, загогулинами. Это те, которые винцом балуются, на стосильной технике от дела лытали. А мужик непьющий был, совестливый – ну и правит чужую работу. Не может равнодушно на безобразия смотреть.

Вот это удача! Михаил Архангел даже присел на борону, которую ещё с прошлого года здесь в поле оставили, и говорит:

- Сядь рядышком, перекури пока.
- Да не курю я. И времени нет рассаживаться – посевная скоро.
- Ну ничего, ты сядь, посиди. Рано ещё сеять-то, заморозки ожидаются.
- Это что, метеосводка что ли такая?
- Да, да, небосводка...

Ну, сел мужик, вытянул ноги – хорошо-то как! Она, работа, завсегда к земле тянет.

Сидит он, вроде, подрёмывает, а Михаил Архангел тем временем продолжает:

– Что ты тут за сохой-то мучаешься? Видишь, как упрел, чужие грехи исправляя. А у меня к тебе предложение есть, должность одна освободилась, значит. Человек нам нужен, а людей нет. Кругом, извини, свиньи какие-то, всё землю друг под другом роют, глаза к звёздам не поднимут. А ты нам подходишь, не такой ты, да и анкета у тебя приличная, а характер золотой. Служба у тебя будет лёгкая, представительная. Вроде, как в президиуме сидеть будешь – и заботы никакой. Так что соглашайся.

Мужика тут, как сапогом вдарили. Враз сон-дремоту вышибло. Эх куда он махнул! В район, что ли?

– Спасибо, товарищ начальник, за доверие. С грамотёнкой у меня не того. Семь классов только, да и то больше в коридоре – не справлюсь.

– Справишься, справишься. Нам только присутствие надо. Рай будет, а не жизнь.

«Во чудак! – думает мужик. – Разыгрывает что ли?»

А Михаил Архангел тем временем продолжает:

– Ты, – говорит, – не пугайся только. Я оттуда, – и пальцем, и глазами в небо указывает.

– Это что, с области, что ли? – спрашивает мужик.

– Архангел я, – улыбается Божий посланник, – в рай тебя взять хочу. Вот я сейчас из тебя душу выну, и будешь ты в раю вечно блаженствовать. Кущи там всякие, птицы поют. А тело

твое, трактористы пойдут вечером домой и найдут в борозде, – инфаркт был, и – никаких подозрений. Похоронят честь по чести. Скажут – на трудовом посту умер. Долго помнить будут.

Ну и сделал он огненный знак рукой, вот так, как будто спичкой о коробок чиркнул. Сделал, значит, он знак – херувим явился с крыльями, вроде большой бабочки, а с лицом младенца – душу сопровождать.

Мужик, хоть и атеист был, но от страха даже поперхнулся.

– Не тронь меня, – говорит, – начальник, дай к посевной с полем управиться, а там придёшь. Не к спеху ведь...

– Ну ладно, уговорил, – согласился Михаил Архангел. Действительно, поля-то в порядок привести надо. – Трудись! После поговорим...

И растаял в воздухе, и херувим с ним тоже пропал.

«Во! – думает мужик, – сон-то чудной какой. Разморило с усталости...» Берёт соху в руки, вожжи и пошёл делать своё дело.

Проходит день, другой, третий. Мужик и забыл совсем о том случае: приснилось и приснилось – мало ли во сне что увидишь. Пашет мужик на последнем поле последнюю борозду. Солнце на вечер перевалило. От пашни дух горячий поднимается, дрожит марево впереди, как будто вода закипает. И идёт по той воде человек, странный такой, в длинной белой рубашке и босиком. Скользит, как будто ногами земли не касается, а лицом похож на того самого начальника, который его уговаривал в рай переселиться.

– А, чёрт! Мерещится всякое! – и рукой стал глаза про-

тирать. В это время что-то громыхнуло легонько так, к дождю вроде. Опустил мужик руки – видит, перед ним тот самый человек стоит, но уже в костюме и при галстукке, а на ногах туфли модные блестят – пылинки не увидишь.

– Бог на помощь! – говорит. – Дело-то всё кончил?

– Да управился я, – говорит мужик, и выдернул соху из борозды. Стал лошадь распрягать.

– Ну вот и хорошо! Сейчас со мной в рай пойдёшь. Хватит, намучился ты на земле за спасибо работать. Уговор-то помнишь?

Мужик так и опустился рядом с сохой:

– Благодарю, – говорит, – за доверие, только как же я землю пустую-то оставлю. Засевать пора, вон и гром громыхнул, к теплу, видать, к дождю.

– То не гром был. Это ты чёрта не к месту помянул, вот и разряд атмосферного электричества вышел – борьба противоположностей, как у вас это... диалектикой называется, что ли? – поправил двумя пальцами галстук, скрестил руки на груди и смотрит на мужика. – Зачем тебе, – говорит, – сеять. В раю и так всё есть. Да и с техникой колхоз сам без тебя управится.

– Управится-то он, управится, да что она, техника, без души – металлолом один. Вот и агроном наш на курсы повышения уехал. Кто же лучше меня знает – когда, где и что сеять.

– Я слышал РАПО у вас организовано, – вставил Михаил Архангел, – вот оно и даст ценные указания вашим механизаторам.

– РАПО-то РАПОм, да сам не будь дураком, – говорит мужик. – Вот посевную проведём, тогда и приходи – легче с землёй расставаться будет. Поле-то пожалей.

Вздыхнул Михаил Архангел, но делать нечего, растворился он в воздухе, только духами заморскими потянуло.

– Вот те на! – думает мужик, – сны на ходу стали сниться, перетрутился маленько, баньку надо протопить, да в постели отлежаться. Может, и пройдёт.

Пока то да сё – закрутился мужик, гость его из головы выскочил.

По случаю досрочного выполнения плана посевной митинг был. Речи всякие произносили. Заслушался мужик, а в это время ему мягко так кто-то ладонь на плечо и положил. Оглядывается мужик – знакомый его стоит, только теперь в рубашке простенькой на выпуск,

да в сандалиях на босу ногу, вроде, из соседнего села по обмену опытом приехал. Моргает мужику – давай, мол, отойдём в сторону, потолкуем. Мужику делать нечего, отошли в сторону, сели на лавочку. Михаил Архангел и говорит:

– Слышал я, слышал, как ты на посевной-то трудишься, документы, говорят, тебе к награде делают. Это хорошо. Не обманулись, значит, мы в тебе. Собирайся, дорога она хоть и не дальняя, а спешки не терпит. С долгами рассчитайся, деньги у тебя есть – премию получил, родственникам что надо прикажи, вон зятю-то опять вожжа под хвост попала, прости господи, закрутился парень. С соседями попрощайся – когда ты с ними ещё увидишься...

«Ну всё, – думает мужик, – хана! Теперь не вывернуться».

А кругом хорошо-то как: травка после дождя молодая полезла, сирень шапкой цветёт...

– Надо, так надо, – говорит, – только должен ведь я плодами своего труда насладиться. Картошка поспеет, огурчики там, да и хлебушка из нового урожая отведать хочется. Ведь сказано в Библии, что человек должен свой хлеб добывать в поте лица своего. Вот пот у меня был, а хлеба я ещё не видел. Справедливо будет, если я переселюсь в рай, а плодов своего труда, как говорится, не вкушу?

– Да нет, я не настаиваю, – замешался его гость, – только ведь свято место пусто не бывает. Ждут тебя там.

– Куда я денусь, – приободрился мужик. – Уберём урожай, сдадим хлебозаготовки государству, семенной фонд в закрома засыпем, праздник на селе сделаем, вот тогда и

приходи. Зимой, наверное, в раю хорошо, и о топке не беспокоиться, а то у нас здесь с углём плоховато – лимиты.

– Ну что ж, – пожал ему руку Михаил Архангел, – вечность, конечно, подождёт, а мне пора, вечерет – звёзды зажигать надо. – И поднявшись, пошёл прямо через огороды в сторону реки, туда, где белым паром омота исходили, да так и растаял в тумане.

Хоть и длинен летний день, а пролетает как миг один. Вот, вроде, отсеялись недавно, а уж хлеба налились тугим золотом, колос позванивает – поспел значит. Медленно потянулись, размахивая крылатками жаток, комбайны, неуклюже переваливаясь с боку на бок, как утки ожиревшие. Машин наехало – уйма! Ток расчистили. Подмели веничком, как горницу. На общем собрании заведующим током нашего мужика выдвинули, честный потому что. Ну и пошла-закрутилась работа – спать некогда. Везде глаз нужен, учёт строгий.

Как ни суетись, ни бегай, а последний разговор с пришельцем из головы не выходит.

Убрали ячмень, пшеницу, уже и до проса руки дошли. По утрам лёгкий иней ложится на стерню, – как сольцой присыпает. Поднялись в тёплые страны птицы. «Вот и мне, наверное, пора», – горестно думает мужик. А жить хочется – невыносимо! Он и по сторонам поглядывать стал с опаской: вдруг его старый знакомый опять появится? Но всё шло своим чередом: подъезжали машины, сгружали в огромные бурты урожай, шофера шутили с молоденькой весовщицей и снова уезжали, – обычная сельская уборочная суматоха. Уж не приснились ли те разговоры с тем небесным посланником? Сказка, да и только! А душа болит, червь её точит, не перестаёт.

Вот уже и просо убрали, стали на полях копны жечь – огни кругом, дым по низинам стоит. Детство припомнилось мужику, костры ночные, картошка печёная из кожи лезет, лошади фыркают, обмахиваясь хвостами то ли от духоты,

то ли от овода. Господи, хорошо-то как!

И мужик не выдержал, заплакал. Положил голову на руки, и так ему жалко себя стало. Сам уже в годах, а вот мать вспомнил – сидит у окошка кудель крутит. Уткнуться бы ей в колени и всё выплакать до дна...

Сдали хлеб государству. Даже план перевыполнили. Лето стояло, как по заказу, нужен дождь – получай дождь, солнцу пора пришла – ведро стояло. Как будто кто в Божьей канцелярии кнопки включал.

Богатый урожай в этом году решили праздником отметить, большим застольем – чтобы самовар на столе пыхтел трёхведёрный, жаром исходил, мёд в чашках посвечивал, цветы поздние, яблоки налитые, крендели-бублики разные. Спиртного – ни капли. Зачем праздник портить. Из красного уголка кресла-скамейки вытащили, столы накрыли. Сидят разговаривают. Друг друга только по работе знали, а тут все – как на ладони. Каждый старается не глупее соседа быть.

Сидит мужик, оглядывается – нет, не видать его странного гостя. Может, другую кандидатуру нашли, или своего кого поставили. Плесканул мужик кипятка из самовара в чашку рябиной расписанную, разбавил заваркой – в самый раз, чтобы доньшко кирпичом покрылось, ну и ложкой к мёду потянулся. Только хотел зачерпнуть, да председатель перебил:

– Тише, – говорит, – вот тут одна просьба ко мне поступила. Приезжий товарищ, – и показывает на сидящего рядом с ним человека в дымчатых очках с небольшой серебряной бородой. – Приезжий товарищ из центра просит отпустить с ним нашего уважаемого дядя Колю (мужика, значит, так звали). Музей у них там организовывается коневодства – кадры нужны, хомуты-уздечки чинить, сёдла подправлять, колёса шиновать, дуги, когда потребуются, гнуть – ну, всякая такая крестьянская работа. Подзабыли её в наше время. Телевизор школьник может чинить, а лошадь запрячь – разучились. Вот такие люди, как дядя Коля, нынче в цене – большой спрос на них.

Учёный представитель из центра очки снял, платочком стал их протирать, – обомлел мужик, это гость его незнакомый.

Встал гость и говорит:

– Я, конечно, товарищи, понимаю – кадровый вопрос не простой, люди нужны и городу, и деревне, но мы в скором времени поднимаем рождаемость, и этот вопрос будет снят. А теперь насчёт вашего земляка... Дядя Коля пенсионного возраста, тяжело ему становится с землёй работать, да и живёт он один, как бобыль, а там мы всё строим. На оклад посадим, сдельно-то ему не под силу работать, не выдюжит, да и на подряд уже поздно переходить, здоровье не то. У нас врачи хорошие – подлечим, жилплощадь со всеми удобствами при музее выделим. Руки у дяди Коли золотые и сердце отзывчивое – он и за лошадьми приглядит – напоит, накормит. Знаем мы его давно. А теперь ваше коллективное решение надо оформить, формальности утрясти.

Все с удивлением уставились на нашего мужика. За столом загалдели:

– Вот даёт дядя!

– Что же ты, сосед, молчал-то?

– Ну, хитрец, ну, хитрец! Магарыч с тебя!

– Эх, сват, сват, куда ты на старости лет рыпаешься-то? От сладкой жизни вон, говорят, зубы выпадают.

– А у него один зуб остался, чего ему бояться. Правда, кум?

Разговор разговором, а дело решать надо. Выбрали президиум. Ну поставили вопрос на голосование. Только хотели руки тянуть – встаёт заведующий молочно-товарной фермой – МТФ по-нашему:

– Товарищи, – говорит, – зима на носу, кто нам будет фураж да силос подвозить, я спрашиваю? Трактора почти

все в ремонте бывают, да и в распутицу без упряжи кормов

не доставить. А лошадей-то у нас держать разучились. А рано их – лошадей, да и дядю Колю – в музей сдавать, они ещё послужат. Моё мнение – никуда дядю Колю не отпускать. Нужен он здесь. А что касается угля, то это дело надо правлению поручить и спросить с них – почему у нас ещё ветераны труда до сих пор топкой не обеспечены?

Раздались аплодисменты. А что, верно баба говорит, без дяди Коли в колхозе – никуда. Кто на подхвате будет? Всё кругом специалисты, а он на все руки мастер и мужик безотказный. И проголосовали, как один, против того, чтобы отпускать дядю Колю на сторону.

Тут враз отчего-то гроыхнуло на небе и дождь сыпанул, да крупный такой – в кулак и с градом. Все врасыпную, кто куда. Остался за столом один наш мужик сидеть. Дождь шпарит, а он сидит и улыбается. Хорошо ему сделалось! Нужен. Нужен он, видимо, здесь на земле. Ох, как нужен. Сидит мужик за столом, значит, кругом дождь, а он весь сухой, чудно, как в пузыре каком.

Задонское повечерье

...И от сладостных слёз не успею ответить, к милосердным коленам припав.

Иван Бунин

В Богородческом храме светло. В Богородческом храме солнышко играет. Поднимешь взгляд – зажмуришься. Певчие на хорах в канун праздника Иоанна Предтечи ему славу возносят, – как хрусталь поёт. Двери храма распахнуты. Вечерний воздух столбом стоит. Свечи горят ровно, пламя не колышется. Высок купол – глаз не достаёт. Дышится легко и радостно. Велик храм. Богат храм. Золота – не счесть! Тонкой работы золото, филигранной. Одежды настоятеля серебром шиты, новые. Нитка к нитке. Где ткали-шили такую красоту – неизвестно. Женская рука терпелива. Тысячи серебряных ниток вплести надо, узор вывести. Серебро холодком отдаёт, голубизной воды небесной, свежие и чистые ключи которой из-под самого зенита льются, душу омывают. Всякую пену-мусор прочь относят.

Богородческий храм при мужском монастыре стоит. Угловым камнем при том монастыре, отцом основателем которого был Господень угодник, чудотворец Тихон, на земле Задонской просиявший. Вот и реликвии его здесь – рака с мощами, одежды ветхие церковные, икона Его – с виду казак, борода смоляная, глаза острые, пронзительные; всё видят, каждый закоулок сердца, как рентгеном просвечивают. Спрашивают: «Кто ты? Для чего в мире живёшь? Какой след после себя оставишь? Как по жизни ходишь – босиком по песочку белому донскому, или в кирзовых сапогах слякотных – да по горенке?..»

Стою, смотрю, душа замирает!

Монахи в одеждах чёрных, вервием опоясаны – и старые, и молодые, но молодых – поболее, взгляд у них посветлее, не печальный взгляд затворника-старца, а человека мирского – не всё ещё улеглось, умаялось.

Вон невысокий плотный парень, скуфья на нём тесная, ещё не застиранная, тело на волю просится... Стоит, перебирая чётки с кистями из чёрной шёлковой пряжи с крупными, как мятйй чернослив, узлами. За каждым узелком – молитва Господу. Рука у монаха широкая, пальцы синевой окольцованы, видно не одну ходку сделал в места, далеко не святые. Татуировочные кольца замысловаты и узорчаты. А взгляд чистый, умиротворённый, наверно сломал в себе ствол дерева худого, неплодоносящего, сумел сжечь его, лишь седой пепел во взгляде просвечивает, когда он, видя мою заинтересованность собой, посмотрел на меня и, вздохнув, отвернулся, продолжая передвигать узлы на чётках, и что-то шептать про себя.

У Христа все – дети, и нет разницы между праведником и мытарем. Простил же он на кресте разбойника, утешил, не отвернулся. Раскаявшийся грешник, – что блудный сын для отца своего, вернувшийся в дом свой. Как говорил апостол Павел в послании к Коринфянам: «Итак, очистите старую закваску, чтобы быть вам новым тестом... Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины».

Не знаю, долго ли пробудет сей монах в послушании, но знаю точно – в новые меха старое вино не вольётся. Причастность к высшему разуму выпрямила путь его, поросший терниями.

Двери храма нараспах, как рубаха у казака в жаркий сенокосный день. В алтаре Христос-Спаситель на верховном троне восседает. Вседержитель.

Глаза тянутся смотреть на Него, прощения просить за жизнь непутёвую, за расточительство времени, отпущенного тебе, за содеянные неправедности. И сладко тебе, и стыдно, и горько за утраты твои. Неверным другом был сотоварищам, нерадивым был для родителей. Не согрел старость их, слезы мать-отца не отёр, в ноги не поклонился... Суетился-приплясы-

вал. Рукоплескал нечестивому, в ладони бил. Просмотрел-проморгал молодость свою, весну свою невозвратную. Цветы срывал, раскидывал. Разбрасывал на все стороны. Руки не подал протянутой тебе. Со старыми – неугодливый, с молодыми – заносчивый...

Горит храм. Пылает огнём нездешним, неопалимым. Свет горний, высокий. Оглянулся – отец Питирим стоит, преподобный старец тамбовский, земляк мой. В руке посох сжимает. Укор в глазах. Серафим Соровский рядом, борода мягкая, округлая, взгляд милостивый, прощающий. Он не укоряет, а ласково по голове гладит ладонью незримой тёплой, мягкой. Хорошо под ладонью той, уютно. Сбоку ходатай перед Господом за землю Русскую, за отчизну ненаглядную – Сергей Радонежский, прям и горд, как тростинка над речным покоем.

Молельщики и утешители наши, отцы пресветлые, просветители, как же мы забыли заповеди ваши? Землю свою, Родину ни во что ставим. Ворогу славу поём, щепки ломаем...

Так думал я, стоя в Богородческом храме Задонского мужского монастыря. До того у меня о Божьей Церкви было иное представление: полумрак, старушечий шепоток в бледном отсвете лампад, чёрные доски икон, прокопченные плохими свечами, тленом пахнет, мёртвой истомой, а здесь – торжество воздуха и света, торжество жизни вечной – «Свет во тьме светит, и тьма не объяла его»...

Стою, а свет по плечам льется из просторных окон цветными стеклами перекрещённых Торжество во всем, величие веры православной!

Местных прихожан мало, все больше люди приезжие, в современных одеждах. Задонск как раз расположен на большой дороге, соединяющей юг России с Москвой. Люди рискованные, серьезные, милостыню подают не мелочью. У самых ворот монастыря бойкие «Фольксвагены», респектабельные «Вольвы», даже один белый «Мерс» подкатил, когда я замешкался у входа. Высокий парень лет тридцати, потягиваясь, лениво вышел из престижной, даже в наших вороватых властных структурах, «тачки». Нищенка к нему с протянутой рукой подбежала. Парень порылся, порылся в широких карманах, не нашел наших «деревянных» и сунул ей долларовую бумажку зеленую, как кленовый лист. Та радостно закивала головой, и стала мелко-мелко крестить в спину удачливого человека, который даже не оглянулся – напористым шагом пошел в монастырь.

Бабушка не удивилась заграничному листочку, на который разменяли Россию, и тут же спрятала в пришитый к байковой безрукавке, в виде большой заплаты, карман. Она не удивилась американской денежке, как будто стояла у стен Вашингтонского Капитолия, а не в заштатном городке Черноземья, возле тяжелой и всё повидавшей монастырской стены, где сотнями расстреливали удачливых и неудачливых, и просто тех, кто подворачивался под горячую руку.

Задонск поражает приезжего человека обилием церквей, большинство которых после десятилетий безверия весело посверкивают своими куполами, и вряд ли найдется какой русский человек, будь то хоть воинствующий атеист, которого не тронули бы эти столпы православия. И я, кажется, на уровне генной памяти почувствовал свою принадлежность к некогда могущественному народу, великому в его христианской вере. Ни один агитатор-пропагандист не в силах сделать того, что делают эти молчаливые свидетели истории. Они даже своими руинами кричат за веру в милосердие, к которому призывал две тысячи лет назад плотник из Назарета.

Вечер под Ивана Купалу каждым листочком на придорожных деревьях лопотал о лете, и я, присоединившись к группе паломников, по-другому их не назовешь, отправился к Тихоновской купели под зеленую гору, по соседству с которой встает из праха и забвения еще один монастырь, но уже – женский.

Дорога туда столь живописна и притягательна, что речи о транспорте не могло и быть, хотя мы приехали на «Волга» приятеля.

Царившая днем жара спала. Кипящее знойное марево потянулось вслед за солнцем, а оно уже цепляло верхушки деревьев, проблескивая сквозь листву красками начинающего заката: от голубого и палевого до шафранного и огненно-красного, переходящего в малиновый.

Заря вечерняя...

Выйдя на пригорок, я закрутил головой в разные стороны, упиваясь представшей панорамой русского пейзажа. Взгляд ласточкой скользил над полями созревающего жита, взмывая вверх к дальнему лесному массиву, где в лучах закатного солнца на темной зелени бархата огромным рубином алела куполообразная кровля вероятноещё одного строящегося храма, поднимающегося из пучин забвения на месте былых развалин..

Спускаясь в тенистую долину, я ощутил на себе объятия благодати и торжественности того, что мы все называем природой.

Каждый трепещущий листок, каждая травинка были созвучны моему нравственному подъему после изумившей меня вечерни в Богородческом храме.

Душа моя плескалась в этой благодати. Мириады невидимых существ несли ее все выше и выше, туда, в купол света и радости.

Когда-то здесь Преподобный Тихон Задонский построил свой скит, освятив это место своим пребыванием, своей сущностью святой и чудотворной. Утешитель человек – здесь он утирал слезу страждущему, здесь он поил иссохшие от жизненных невзгод души из своего источника добра и милосердия, И я чувствую здесь своей заскорузлой в безверии кожей его прохладную отеческую ладонь.

Дорога была перекрыта. К знаменитому источнику и купели прокладывали асфальтовое полотно, стелили, как утюгом гладили, и мы остановились, окруженные странными людьми: пожилые и не очень пожилые дети махали руками, что-то говорили на своем детском языке, смотрели на нас детскими глазами, восторженными и печальными, беспечными и озабоченными. Одного не было в их взгляде – угрюмости и ожесточенности. Они лепетали, как вот эти листочки на раскидистом дереве, В их лепете слышалось предупреждение, что дальше машины гу-гу-гу!, – что дальше дорога перекрыта и – руки, руки, руки, протянутые с детской непосредственностью в ожидании подарка, гостинца от приезжего родственника.

Рядом расположен интернат для умственно-неполноценных людей, безнадежных для общества. Но это, как сказать! Пушкин в «Борисе Годунове», помните: «Подайте юродивому копеечку!». Недаром говорили в старину русские, что на убогих Мир держится. Они валяли на себя страдания остального здорового и довольного жизнью человечества, чтобы я или ты могли наслаждаться литературой, музыкой, искусством, любовью, наконец. Вдыхать аромат цветов и любоваться красками заката. Как сказал один из великих русских поэтов: «Счастливым тем, что целовал я женщин, мял цветы, валялся на траве...»

Я не знаю, случайно или нет, выбрано место для дома скорби, но символично, что именно здесь, под сенью святителя Тихона Задонского, под его неусыпным покровительством в этом животворном уголке России нашли приют убогие и страждущие, нищие духом, вечные дети земли.

Протянутая рука по-детски требовательная, и я в эту руку, пошарив по закоулкам карманов, высыпал мелочь, символические деньги – со стыдом и смущением все, что у меня нашлось.

В дыму и гари от кашляющей и чихающей техники, от грейдеров самосвалов, бульдозеров, следуя за всезнающими попутчиками, бочком, бочком, забирая влево от грохота и скрежета железа, асфальтного жирного чада, я оказался, как у Господа в

горсти, в зеленой ложбине, под заросшей вековыми деревьями горой, из сердца которой бьет и бьет неиссякаемый ключ.

Почему-то всплывают в памяти слова из Евангелия от Иоанна: «...кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек: но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную». Так говорил плотник из Назарета.

Из сердца горы бьёт и бьёт неиссякаемый ключ. Вода в ключе настолько холодная, что, опустив в неё руку, тут же выдергиваешь от нестерпимой ломоты в костях. Отфильтрованная многометровой толщиной песка и камня, вобрав в себя живительные соки земли, она чиста и прозрачна. Целебные свойства этой воды известны давно, и сюда приходят и приезжают с бутылками и флягами, чтобы потом по глоточкам потчевать домашних и ближних чудесной влагой задонского источника, который в долгие часы одиночества наговаривал святителю Тихону вечные тайны жизни и смерти.

Вера в чудотворную силу этой воды заставила и меня зачерпнуть пригоршню, припасть губами и медленно, прижимая язык к нёбу, цедить эту влагу, сладчайшую влагу на свете.

После жаркого дня ледяная вода источника, действительно, вливает в каждую клеточку твоего тела силу и бодрость. Вон пьёт её большими глотками разгорячённый тяжёлой физической работой в оранжевой безрукавке дорожный рабочий. Вода скатывается по его широким ладоням, по синеватым набухшим жилам, скатывается на поросшую густым с проседью волосом грудь и капельки её в светятся холодными виноградинами в пыльной и мятой поросли.

Рядом, напротив источника, как таёжная банька, в которой однажды в далёкой Сибири выгоняла из меня опасную хворь старая кержачка, срублена небольшая купальня, где переминалась с ноги на ногу очередь желающих омыть своё тело этой живительной ключевой водой.

Веруй, и будет тебе!

Вода источника обладает чудодейственной силой и может снять бледную немочь с больного и страждущего по вере его. Трижды осени себя трёхперстием и трижды окунись с головой, – и, как говорят люди в очереди, сосущая тебя отрицательная энергия поглотится этой влагой и потеряет свою губительную силу.

Не знаю, как на самом деле, но, как говориться, голос народа – глас Божий, и я тоже стал в очередь.

Стоять пришлось недолго – в купальню, как раз, заходила группа мужчин, и женщины впереди меня, подсказали, что можно и мне с этой группой.

Неумело, скоропалительно перекрестившись, я нырнул во влажный полумрак избушки.

На уровне пола тяжело поблескивала тёмная вода в небольшом проточном бассейне, по бокам – маленькие, как в общественной сауне, раздевалки, открытые, с гвоздочками вместо вешалок.

Скидывая летнюю не громоздкую одежду и торопливо крестясь, прыгали с уханьем, а выныривали из бассейна с глухим постаныванием на вид совсем здоровые мужики, обнаженные и загорелые.

Тысячи маленьких стальных лезвий полоснули тело, когда я со сдавленным дыханием ушёл с головой на дно, и вода сомкнулась надо мной. Трижды поднявшись и трижды опустившись на бетонное ложе бассейна, я, путая слова, читал про себя забытую, с детства не простиительно забытую молитву каждого христианина, католика и православного, всякого исповедующего веру в Христа – «Отче наш». Суставы заломило так, что я, пробкой выскочил из воды, произвольно постанывая.

То ли от чудодейственной силы Тихоновского источника, то ли от его ледяной свежести, действительно, каждый мускул моего тела радостно звенел подобно тугой пружине. Легкость такая в теле, что кажется, я навсегда потерял свой вес. Словно ослабело земное притяжение, и я, вот-вот взмою к потолку.

Быстро натянув рубашку, я вышел из купальни на воздух, на вечер. Темная зелень деревьев стала еще темнее, еще прохладнее,

еще таинственнее. Грохот машин и железа унялся, воздух очистился от смрада выдыхаемого десятками стальных глоток равнодушной техники. Слышались отдаленные голоса людей. Кто-то кого-то звал. Кто-то не подошёл к туристическому автобусу, плутая в тихом вальсе вековых стволов могучих деревьев, – свидетелей Тихоновских таинств и чудотворения. Было

довольно уже поздно, и надо было возвращаться в село Конь-Колодезь соседнего района, где я по воле случая с недавних пор проживал. Шофер на белой стремительной «Волге» ждал меня на спуске к источнику, и наверняка уже, нетерпеливо поглядывает на часы. У него хозяйство, земля, жук колорадский, паразит, замучил, свиноматка на сносях... Жизнь! Жрать все любят!

Я поднял руку, чтобы посмотреть время. Но на запястье часов не было, – таких привычных, что их обычно не замечаешь. Дорогие часы, японские, марки «Ориент». Игрушка, а не часы. Хронометр. Автоматический подзавод, водонепроницаемые. Стекло – хрусталь, бей молотком – боек отскочит, чистый кварц. Браслет с титановым напылением. Жалко!

После меня в купальню прошла большая группа женщин, а эту заграничную штуковину я повесил в раздевалке на гвоздик, на видном месте, за тот самый матовый титановый браслет, забыв как раз, что хронометр пылеводонепроницаемый. Наверное, он пришелся впору на чью-то руку. Жалко...

Ждать, пока женщины покинут купальню? Вздохнув, я направился к машине.

Ну, да ладно! Забытая вещь, – примета скорого возвращения, что меня несколько утешило. Мне, действительно, очень хотелось побывать здесь еще, надышаться, наглядеться, омыть задубелую в грехе душу, потешить ее, освободить от узды повседневности, будней, отпустить ее на праздник.

Позади я услышал чей-то возглас. Оглянулся. Меня догнала немолодая запыхавшаяся на подъеме женщина. Догнала и взяла меня за руку. Я в смущении остановился. Денег у меня не оставалось, и мне нечего было ей дать. Но женщина почему-то у меня ничего не просила, а лишь вопросительно заглянула в глаза и вложила в ладонь мою заграничную игрушку с текущим браслетом. Непотопляемый хронометр! Броневик! Моя похвальба перед друзьями!

– Господь надоумил. Часы-то, никак, дорогие!

Мне нечем было отблагодарить старую женщину, и я прикоснулся губами к тыльной стороне ее ладони сухой и жухлой, как осенний лист.

Женщина, как от ожога отдернула руку, и часто-часто перекрестила меня:

– Что ты? Что ты? Христос с вами! Разве так можно? Дай вам

Бог здоровья! Не теряйте больше. До свидания!

В лице ее я увидел что-то материнское, и сердце мое сжалось от воспоминаний. Я никогда не целовал руку матери. Да и сыновней любовью ее не баловал. Молодость эгоистична. Поздно осознаешь это. Слишком поздно... Вопреки ожиданиям, мой приятель сладко спал, на спине поперек салона «Волги». Ноги, согнутые в коленях, свисали в придорожную полынь, золотая пыльца которой окропила его мятые джинсы.

Самая медоносная пора. Мне было жаль будить друга. Я огляделся по сторонам. Уходящее солнце затеплило свечку над звонницей Богородческого храма. Кованный крест ярко горел под голубой ризницей неба – свеча нетленная...

Погост

Не в силе Бог, а в правде
Александр Невский

Грустно, что лето осталось где-то там далеко-далеко, откуда нет возврата. За сеткой долгих и нудных дождей незаметно, как вражеский лазутчик, короткими перебежками подкралась осень. Над бондарским погостом кружат большие беспокойные и крикливые птицы. Как только я ступил за ограду кладбища, они тут не снизились и расселись по крестам, внимательно наблюдая за мной. Когда я двинулся дальше, птицы, соскакивая с крестов, услужливо засеменили впереди, будто показывая дорогу к печальному и родному месту. За небольшой, сваренной из стальных прутьев оградой нашли вечное пристанище мои незабвенные родители: на крохотном бетонном обелиске фотография смущенно улыбающейся матери, а рядом, слева, на жестяном овале горделиво вззирающий на этот мир отец. Я тихо присел на врытую в землю скамью. Всё это – мой дом и моё отечество...

Резкие, скрипучие звуки бесцеремонных пернатых не давали мне поговорить с родителями.

Птицы, христарадничая, расположились возле меня. Из-за своей всегдашней недалёко-видности я пришёл на кладбище без гостинцев, – так получилось. Поднявшись со скамьи, вывернул карманы, показывая черным монахам, что у меня ничего нет. То ли испугавшись моего резкого жеста, то ли действительно поняв, что от меня ждать нечего, они разочарованно взлетели и, снова ворча и переругиваясь, закружили над тополями и зарослями буйной сирени, плотной, упругой стеной отгораживающей старую часть погоста от новой. Там, на старом кладбище, тогда еще так буйно не заросшем сиренью, мы, пацанами играли в любимую игру тех лет – войну, прячась в старых, полуразрушенных склепах, давным-давно построенных именитыми людьми Бондарей.

Во время гражданской бойни и коллективизации эти-убежища спасли не одну жизнь. Здесь мой дядя, ныне здравствующий Борисов Николай Степанович, двенадцатилетним подростком несколько дней и ночей сторожил семейный скарб от большевистского разграбления. Дядя рассказывал, как, холодея от страха, он задами и огородами сносил и прятал в один из склепов не очень уж и богатые пожитки. Комбед подчищал все. Когда к моему деду пришли описывать имущество, часть его была уже надежно припрятана. Это и дало возможность пережить зиму моей матери с семьей. Дядя Коля еще говорил, что разъярённый председатель комбеда Иван Грозный, так звали у нас на селе одного из самых жестоких борцов за чужое добро, сорвал с гвоздя понравившийся ему ременный кнут и, когда мальчишка, плача, вцепился в него всей детской силёнкой, доблестный коммунист, черенком кнута, борясь за правое дело, размозжил мальчику губы. Но..., это другая тема. Всё минуло и заросло быльём, как кладбищенской сиренью. Такой сирени я нигде больше не встречал. По весне, голубыми и розовыми шапками наряжалась она, встречая печальные шествия, и прощально покачиваясь, провожала в последний путь очередного бондарца. Вон их, сколько тут улеглось молчаливо и безропотно в родную землю, которую они ласкали и холили при жизни, а теперь вот накрылись ею – и не докричишься. Слабые и сильные, *правые и неправые*, все они тут рядышком, посреди колосистого поля, на островке скорби. Кресты, кресты, кресты...

Правда, на некоторых могилах встречаются и звёзды – судьба сама распорядилась: кому под крест, кому под звезду...

Неподалёку от моих родителей под высеченной на чёрном мраморе звездой нашёл успокоение профессиональный партийный работник, отчим моего друга, – Косачёв Иван Дмитриевич. Да будет ему пухом земля наша! Учился на актера, а вот, поди, ж ты, пришлось играть

на партийных подмостках в театре абсурда. В раннем детстве он познакомил меня с тогда ещё запрещённым Есениным, и я всю жизнь благодарен этому партийцу за это. Со мной, мальчишкой, он говорил всегда, как с равным, и тогда ещё пробудил во мне страсть к поэзии и литературе. А сколько потом в затяжных застольях было разговоров о политике, о жизни, об искусстве! Я всегда, когда бываю здесь, захожу к нему поклониться и, вздохнув, вспомнить прошлое.

За зеленой стеной сирени, возле задернённого вала, отделяющего погост от поля, теснятся высокие, ещё не тронутые осенней позолотой, деревья. Эти тополя были посажены в шестидесятых годах на заброшенной и неприбранной братской могиле сердобольными женщинами, среди которых была и моя мать.

Прислонившись плечом к тополю, над братской могилой стоит слегка покосившийся, кованный из полос стали чёрный крест. Его делал мой дядя, тот исхлестанный любителем цыганских кнутов. Красный бондарский царь Иван Грозный с партийным благословением на разбой яро защищал права местной, почему-то всегда нетрезвой, голытьбы, не забывая при этом и о себе. Но не про то сегодня. Не про то...

Под этим плоским, черным, с остроконечным распахом – крестом лежат в земле невинные люди, попавшие под Серп и Молот большевицкого Молоха. На жестяной дощечке, прикрепленной к кресту, черным по белому написано:

Здесь покоиться прах рабов Божьих, Убиенных в 1918 году 24 человека:

иерея Алексея,
иерея Александра,
диакона Василия,
ктитора Григория,
раба Михаила,
Фёдора, Антипа,
И других неизвестных рабов.
Мир праху вашему.
Спутник, отдохни,
Помолися Богу,
Нас ты помяни.

И я пришёл сюда, чтобы помянуть их в своём очерстевшем под жизненным ветром сердце. Мир праху вашему, рабы Божьи! Ктитор Григорий и раб Михаил – мои кровные родственники по матери. И нашей кровью умывала руки большевистская сволочь в ноябре 1918 года, нагрянувшим в Бондари карательным отрядом.

2

Бондарцы народ хитроумный и недоверчивый, Потомки беглых людей, с северных губерний России посмеиваясь и пошучивая, восприняли сообщение о большевистском перевороте в Питере. «Не, далеко Петроград, сюда не дойдут! – самонадеянно говорили они, занимаясь своим извечным ремеслом. Что им Революция? Мастерские люди, занятые фабричным и кустарным делом, жили своим трудом. И жили ничего себе, об этом свидетельства моих стариков-односельчан. «Если есть голова и руки, то всё остальное приложится» – говаривали они.

Бондарская суконная фабрика, построенная еще в 1726 году и исправно действующая после все время, вплоть до семнадцатого года давала возможность местным жителям хорошо зарабатывать. К тому же большие, богатые базары помогали торговым людям и местным мастерам-умельцам держаться на плаву.

Бондари славились своими кожевниками, кузнецами, шорниками, ну, и, конечно, бондарями. Крепкие дубовые бочки под разносолы, схваченные коваными обручами, ценились высоко.

– Не-е, не дойдут! – по-бондарски растягивая слова, упрямо твердили они на тревожные и страшные вести приезжих людей.

Даже тогда, когда салотопщик и пропойца Петька Махан ходил по селу, поигрывая бомбами на поясе, они всё посмеивались, показывая пальцем на Махана и дразня его.

Выхваляясь, Петька грозился взорвать фабрику и половину Бондарей спалить – лавочников и мещан грёбаных!

– Обожди, обожди! – *хрипел он*. – И на нашей улице будет праздник!

И его праздник пришёл.

Стылым осенним днём, кидая ошмётья грязи на чистый утренний снежок, на штыках карательного конного отряда в Бондари ворвалась новая власть. «Чё за гостёчки ранние?» – боязливо отдергивая занавески, поглядывали бондарцы на верховых».

Казенные люди для русского человека – всегда опаска. А тут их вон сколько! И все с ружьями и при саблях. «Нешта немец до Тамбова дошёл?» – спрашивали друг у друга.

Тамбов для немца был действительно далековато, но смерть уже *застучала костяными пальцами* по окнам. Перво-наперво в революционном порыве были арестованы все служители храма вплоть до сторожей и приживалок *при церкви*. Потом начались погромы продуктовых лавок и трактира. Бондарцы недоуменно пожимали плечами: «Как же так? Среди бела дня грабят, а им нету никакого окорота! Что же за власть такая?..»

Мой родственник, «раб Михаил» из того черного списка, пришёл в лавку купить дочери сосулек – леденцов по-теперешнему. Лавка была распахнута полки чистые, ходят какие-то пришлые люди, хозяйничают. Михаил стал возмущаться: вот, мол, пришли *порядки* – сосулек купить надо, а лавки пустые.... Загребли и его – так, для счёта. Может, система у них была поголовная – чем больше, тем лучше. Загребли даже одного приезжего из Саратова – навестил больную малолетнюю дочь, которая гостила в Бондарях у родственников. Его, Свиридова Фёдора Павловича, загребли только за то, что человек не местный и заартачился быть понятым при шастаньях по чужим закромам, – думал *порядки* старые, царские, – ан нет! Новая власть оказалась обидчивой – после избияния привязали его за руки к седлу, и погнал потехи ради красный кавалерист лошадь галопом. Так и тащили его с Дуная (Дунайской улицы) до самой церковной площади по мёрзлой кочковатой земле, как был, в одной рубахе и кальсонах – знай наших! Неча по больным дочерям ездить! Тоже – родню нашёл!

Большевицские рыбаки приличный улов сделали – с одного села более двадцати человек буржуев и пособников империализма зацепили...

Мой дядя – Борисов Сергей Степанович, ныне тоже здравствующий, со своим сверстником тайком, из-за угла скобяной лавки, поглядывали на скучковавшихся возле церкви людей. Жители попрятались по домам, зашторив окна. Дядю Серёжу, то есть двенадцатилетнего пацана, мой дед Степан послал поглядеть: Чтой-то будет делать новая власть с Михаилом да Григорием? Пацаны и поглядывали украдкой за страшным делом. Потому-то, со слов очевидца, у меня достоверные данные о кровавой расправе над ни в чём не повинными людьми.

Они никакими действиями не оказывали сопротивления так называемой пролетарской диктатуре. Не богачи и не белогвардейцы – такие же рабочие, мещане, служители Господу – словом обыватели. Ещё не было и года советской власти, и такое злодейство!

Коммунисты оказались скоры на руку. Чего там судить? Всего и делов – то, что шлёпнуть!

Когда несчастных людей ввели на расстрел, к красноармейцам кристал-да-пристал один дед глуховатый. Был такой в Бондарях, безродный дед Пимен, почему-то в списках он не обозначен. Списки делали в шестидесятых годах полуполюгально, по памяти, потому и выпал дед.

Так вот, новая власть могла и благодушно пошутить. Дед всё спрашивал: «Куда-то, сынки, людей ведёте?» – «В баню, дед, в баню!» – «Ой, хорошо-то как! И я попарюсь, небось, слава Богу! Вшей пощёлкаю!» – «Пошли, дед, за компанию! Намучился, поди, по свету шастать?» Воткнули пулю и ему. Дед стоял, понимающе улыбался: – «Во, шутники, прости Господи!..»

Расстреливали у северной стены храма, чуть левее колоннады. Дело привычное. Уронили всех сразу. Только иерей Кольчев Александр, крутясь на одном боку, всё норовил вытащить из груди раскалённую занозу. Один из стрелявших по доброте своей сжалился над ним. Подойдя поближе, он резким движением с отяжкой опустил кованный железом приклад винтовки ему на голову. «Хрустнула, как черепушка!» – вспоминая, говорил дядя Серёжа.

Убитые долго ещё остывали на свежем, только что выпавшем снежке. Оставили так, для остратки – попужать. Потом, сняв с них кое-какую одежонку, – небось, пригодиться, – сволокли в дощатый сарай пожарной команды, и они лежали там ещё долго за ненадобностью. А куда спешить? Дело сделано. Морозец на дворе – не протухнут. Да и застрашать надо...

Хоронить на кладбище по христианскому обычаю родственникам не разрешили. Свезли их на подводе за кладбище, как навоз, какой! Вырыли одну общую яму (большевики всегда имели слабость к общаку), покидали их окоченевших, полунагих, как, попадая, засыпали стылой землицей, докурили самокрутки, поплевали под ноги и пошли думать свои государственные думы.

Вот тогда-то и поверили бондарцы, что новая власть пришла всерьёз и надолго. И затужили. Куда подевались смешки и подначки? Враз скушными стали. По всему было видно, что власть пришлась не ко двору. Отношение бондарских мужиков к ней, этой власти, было глумливо-ироническое. Уже в моё время, я помню, как отец в трудные минуты, вздыхая, приговаривал: «Эх, хороша советская власть, да уж больно долго она тянется». Или взять слово «колхоз», давно уже ставшее синонимом бесхозности и разгильдяйства. А чего стоят одни анекдоты! Ну, никакого почтения к Великой Революции и вождям пролетариата!

...А Петька Махан всё-таки не натрепался – и фабрику взорвали, и пол-Бондарей извели.

3

Резко вскрикнув, как от боли, какая-то птица вернула меня к действительности. Над густыми тополями собирались тучи. Надо было идти в село. У меня там остались в живых двое дядьёв по материнской линии – дядя Серёжа и дядя Коля. Два ствола одного дерева, от корней которых пошёл и мой стебель.

Обычного застолья не получилось. Дядя Серёжа недомогал, как-никак – возраст к девяносто приближается, а дяди Коли дома не оказалось. Надо было бы посидеть, выпить, поговорить, поохать – вспомнить некогда многочисленную родню, плясунов и певунов. Хорошие певуны были! Но что поделать? На этот раз песни не получилось. Не получилось песни...

Шибряй

– Во, малец-оголец! – дед Шибряй красной клешнёй, крепкой, как пассатижи, ухватил гранёный стакан водки, и медленно, чтобы не расплескать, двигал его по сухой пыльной траве к деревянной ноге, выструганной из круглого полена, с седёлкой на толстом конце для пристыковки культи. Нога была отстёгнута, и дед Шибряй сидел на ней, как на брёвнышке. Культя, выпроставшись из тесной расселины, медленно шевелилась свекольно-красная, наслаждаясь свободой. Она тихо жила отдельно от тела, не подчиняясь ему. По крайней мере, у меня было такое впечатление, что дед Шибряй сам по себе, а культя, сама по себе.

Шибряй скидывал руки, торопливо глотал водку, чмокал, сосал губами воздух, сморкался, а в это время культя блаженно разгибалась и сгибалась в коленном суставе. Теперь, спущенная на культю обвислая, просторная штанина, подметала землю. Культя в штанине продолжала шевелиться, слепо тычась в потёртую ткань, как поросёнок в мешковину.

Давняя война покалечила Шибряя, откусив у него полноги и почти всю кисть правой руки. Полевой хирург из остатков кисти сгондобил полуживому бойцу Красной Армии, что-то наподобие ухвата, рогача то есть.

Не раз с благодарностью вспоминал бывший солдат своего спасителя. «Насчёт работы – не знаю, а за конец и стакан сам держаться будешь!» – смеясь, говорил врач, когда Шибряй, ещё плохо соображая, очухался после лошадиной дозы наркоза.

Вернувшись, домой изувеченным, но живым, Шибряй всегда отшучивался, если речь заходила о его клешне: «Обидно вот – говаривал он, баб щупать нельзя. Чувствительность потеряна, а так, ухват, как ухват, горшки сподручней в печку ставить».

Всегда хмельной, встречая нас, пацанов, он выставлял клешню вперёд, и с криком: «Забадаю-забадаю!» – бросался к нам. И мы с визгом разбегались врассыпную кто куда; уж очень страшны были эти два красных рога.

Теперь мы с Шибряем сидим на берегу Большого Ломовиса, вкушая радость жизни и свежий чистый воздух. К вечеру от реки тянуло прохладной влагой и умиротворённостью. Разрушенный мост, с брёвнами, схваченными ржавыми железными скобами, покачивался сбоку отражением на волнах. Изломанные брёвна проезжей части моста грустно мокли в воде, как чёрные кости доисторического Ящера.

Дело в том, что однажды весной, мост был взорван пьяными подрывниками. Одна из льдин, на которой находился глиняный горшок с аммоналом, огибая «быки», поднырнула под мост, Огонь бикфордова шнура достал детонатор. Взрывчатка сработала. Я, ещё школьник, был свидетелем, как медленно падали с неба обломки досок и большие куски льда.

Хорошо ещё, что на мосту в это время никого не оказалось...

Мост восстанавливать не стали, льдины больше никто не подрывал, а за селом забухала свайная машина, загоняя железобетонные столбы в илистый берег, готовя опоры под новый мост.

Наша река – Большой Ломовис, как-то незаметно обмелела, истончилась и запаршивела. Невесть откуда приехавший люд, понастроил по берегам реки дома. Не имея здесь корней, раскопал под самый обрез чернозёмы под огороды, заваливая берег бытовым мусором и всякой прочей дрянью.

Местная власть на это смотрела сквозь пальцы, а старожилы села только покачивали головами, да грустно причмокивали, вспоминая какой поилицей и кормилицей была «тады» река.

Теперь Большой Ломовис, как и всё вокруг, хирел, покрывался паршой, а некогда белую песчаную косу пожрали чертополох и сочная канадская лебеда – «американка», от которой воротила морду, даже всегда голодная и ненасытная общественная скотина.

Когда-то в чистых струях Большого Ломовиса водились раки, круглые жирные пескари, а так же такая привередливая к чистой воде рыба, как ёрш. Сейчас всё больше попадались на крючок прудовые породы рыб: небольшие в ладошку, карпята, или тощие, с изъеденной водяной молью чешуёй, плоские караси, перешедшие на полуводный образ жизни, откормленные крысы, резвясь, гоняли утят.

Каждый уважающий себя человек, рыбачить в Большом Ломовисе не осмеливался, и только Шибряй, по прозвищу «Клюкало», не изменял своей давней привычке уходить от семейных ссор и неурядиц, прихватив незамысловатую удочку, на тихий бережок гибнущей речки, пытаться рыбацкое счастье.

Прозвище «Клюкало» прикипело к нему, как холщовая потная рубаха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.